

**Политбюро,
28 апреля 1986 года**
(запись Медведева)

Заседание экстренное - в связи с аварией на Чернобыльской АЭС. С сообщением выступил Долгих. Информация была хотя и тревожной, но довольно скудной. И как впоследствии оказалось, не давала правильного представления о масштабе трагедии.

**Совещание у Горбачева по вопросу чернобыльской аварии,
29 апреля 1986 года**
(запись Медведева)

Представлена более подробная информация о том, что произошло в Чернобыле. В результате обмена мнениями Горбачев формулирует выводы:

Первое. Главная задача заглушить источник радиации.

Второе. Обеспечить тщательный контроль за воздушной средой. Минздраву немедленно развернуть работу с людьми, оказавшимися в зоне радиации. Районы высокой концентрации радиоактивности оцепить и принять меры к эвакуации.

Третье. Создать оперативную группу во главе с Рыжковым, Лигачевым.

Четвертое. Осуществлять строгий контроль за радиационной обстановкой по всей стране.

Пятое. В работе с населением должны быть честность и взвешенность. Шире использовать информацию по местному радио.

Шестое. Составить документ для международной общественности.

Седьмое. Расследовать причины, приведшие к катастрофе. Дело скорее не в оборудовании, а в субъективном факторе.

Политбюро,
22 мая 1986 года

Горбачев. Вроде снаряды не рвутся, танки не громышают, а работать надо как на поле боя, как в Чернобыле, без бумаг, без волокиты, ибо если не обеспечить поворота, загубим XXУП съезд.

О преодолении последствий Чернобыля

Горбачев. Мы столкнулись с эффектом привыкания и поразительной безответственностью. Отнестись надо к этому со всей строгостью. Мы тут под контролем своего народа и под контролем всего мира. То, что произошло - всех касается. Столкнулись с последствиями ведомственной психологии, когда люди не могут посмотреть шире своих непосредственных технологических обязанностей. Все должны знать: тот, кто проявляет безответственность, распущенность, пусть на пощаду не рассчитывает. Ни от чего не будем уклоняться. Надо нанести самый сокрушительный удар по шапкозакидательству. Всему миру скажем откровенно, что произошло. А сейчас надо прежде всего навести порядок с безопасностью на работающих АЭС.

Я вот опять недавно обратился к Ленину. 22-й год. Драматическая ситуация. И какая глубина, какое понимание всех проблем, какой величайший реализм, идущий от глубокого знания жизни! Ни на чем его не обманешь! Поразительное проникновение в то, что имеет реальную ценность, а что мусор, показуха, «информация». И какой же отрыв товарищей, - и тех, кто близко, и тех, кто далеко - от уровня Владимира Ильича, по уму, озабоченности, проницательности во всех вопросах!

...Институт (*им. Курчатова*), который занимается ядерными делами, единственный. Годы работал и никто тут у нас не знал, что там происходит. А проверили, «приоткрыли» после Чернобыля и увидели опасную монополию. Директор Института и президент Академии наук СССР - товарищ академик Александров в одном лице. Все на себя замкнул и ничего, говорят нам, тут не поделаешь.

Вот теперь он сам нам говорит, что с него и надо начинать. Дорогой наш уважаемый товарищ, страна ведь за нами. Нельзя так. А то 40 лет приятели-друзья - и вот что произошло.

**Политбюро,
5 июня 1986 года**

О Чернобыле

Горбачев. Персонально на каждое ведомство надо возложить ответственность (*за преодоление последствий*). А то уже начал действовать эффект привыкания. И отвечать будут по строгости. Мы под контролем своего народа в этом деле, под контролем всего мира. И покончить с ведомственностью. То и дело слышишь: у меня там свой объект. У каждого свой объект получается. Нет, объект у всех один - Чернобыль! А товарищи не могут взглянуть шире своих служебных обязанностей. Чернобыль всех касается: и всех министров и всех членов ЦК, и всего аппарата ЦК.

Очень важна социальная сторона дела. Нужен здесь очень строгий контроль. До июля мы должны определить все социальные параметры по последствиям. Я очень обеспокоен работой правительственной комиссии, которая занимается причинами катастрофы. На Политбюро будем ставить очень строго и очень широко этот вопрос и не позволим шантажировать нас всякими профессиональными выкладками, а на самом деле - оправданиями.

Совершенно очевидно - безответственность, распущенность. И пусть никто на пощаду не рассчитывает. Должно быть абсолютно исключено повторение чего-либо подобного. Еще один-два таких случая, и мы получим худшее, чем от всеобщей ядерной войны. Уже сейчас вон какой резонанс, а какие затраты! Потери продукции только сейчас уже на 1 млрд. 800 млн. рублей. Затраты на сам объект уже сейчас около 2 млрд. рублей. Словом, речь идет об очень серьезных вещах.

Обращается к Щербине (зампред. Совмина СССР): Будь на высоте. Речь идет о самой жизни. Вы должны подготовить очень серьезный партийно-государственный документ (о причинах и последствиях). Уклоняться ни от чего не будем. Сейчас шапкозакидательство - вреднейшая вещь.*

И в Будапеште (на ПКК) генеральным секретарям сказать надо все откровенно. А не то, что у нас в газетах пока пишут. Ведь они же строят АЭС, строят с нашей помощью, строят по нашим проектам. И посмотрите, какой сигнал! В ГДР на 50% забраковали наше оборудование.

Обращается к Долгих. Наведи здесь порядок. Безопасность и порядок на станциях - первейшее дело. То, что работает сейчас, должно быть обеспечено безопасностью по максимуму. И не стесняться общаться с народом на АЭС. Кисель не разводите, говорите откровенно.

**Политбюро,
20 июня 1986 года**

О предстоящем обсуждении вопроса о мерах
по безопасному развитию ядерной энергетики

Горбачев. Пусть под предлогом секретности не пытаются укрывать от Правительства и Политбюро состояние дел. Мы уже научены Чернобылем. Предупреждаю об этом заранее и военных, и ученых, когда будем обсуждать причины аварии и выводы.

**Политбюро,
3 июля 1986 года**

О Чернобыле

Горбачев. Кто утвердил размещение АЭС в густо населенных районах? Помните дискуссию на этот счет в «Коммунисте» (№ 14 за 79-й год) - но тогда рот заткнули академику Доллежалю. Не позволим, чтобы нас, Политбюро, проклинали. Главное сейчас - безопасность АЭС.

* На Б.Е.Щербину была возложена координация всей работы по последствиям Чернобыля.

Помню и другое: статью в «Правде» к 30-летию первой АЭС. Там: «атомная энергетика может служить эталоном безопасности». Академик Леговасов ее подписал.

А что на поверку? Грянул Чернобыль и никто не готов: ни гражданская оборона, ни медслужбы, дозиметрами не обеспечены и по минимуму, пожарная служба не знает, что ей делать.

Свадьбы справляли на другой день поблизости. Дети на улицах играют. Система оповещения никуда не годная! Нет и автоматического отключения.

Облако пошло после взрыва. Его по пути кто-то засек? Меры принял? Нет.

Директор станции Брюханов был уверен, что ничего не могло произойти. Он и его зам. не знали, что будут проводиться испытания на блоке. А между тем за 11-ую пятилетку 104 аварии было на Чернобыльской АЭС. Это вас не насторожило?!

Главный инженер у вас - электрик. Его главная забота – выдать больше энергии.

Вот Мешков (*зам. Славского*) и сейчас нас уверяет, что реактор надежный. А почему же вы сами подписали недавно проект с предложением прекратить строить такие реакторы?

Славский. Я не подписывал.

Горбачев. Так можно их эксплуатировать и строить?

Мешков. Можно, если строго выполнять регламент.

Горбачев. Вы меня удивляете. Все, что на этот час собрано по Чернобылю, приводит к единственному выводу - реактор надо запретить. Он опасен. А вы защищаете честь мундира.

Мешков. Нет, я защищаю атомную энергетику.

Горбачев. А какие интересы выше? Мы должны ответить на этот вопрос. Этого требуют от нас миллионы людей у нас и за рубежом. Покончить с положением, когда строят АЭС на уровне мышления 20-30 годов. Надо ду-

мать на уровне Чернобыля. В США после большой аварии у них ни одного блока больше не построили!

Мы 30 лет слышим от вас (*ученых, специалистов, министров. – А.Ч.*), что все тут надежно. И вы рассчитываете, что мы будем смотреть на вас, как на богов. От этого все и пошло. Потому что министерства и все научные центры оказались вне контроля. А кончилось провалом. И сейчас я не вижу, чтобы вы задумывались над выводами. Больше все констатируете факты, а то и стремитесь замазать кое-какие.

В том, что произошла авария, виноват персонал, но масштабы аварии – в физике реактора.

Мы живем в демократическом обществе. И каждый может сказать свое мнение.

Там, где нужна централизация, там ее нет, а там, где просто гвоздь забить надо, там действуют тысячи разных ведомств. Нет более опасного объекта, чем АЭС, ибо там миллионная мощь энергии, она опаснее любого военного объекта. Академик Доллежалъ бил в свое время тревогу, но его признали некомпетентным и на пресс-конференции осрамили перед иностранными корреспондентами.

Вот к чему приводит монополия и в науке, и в производстве. Энергетическая проблема во всех аспектах - научном, экспериментальном - оказалась вне контроля.

(Зачитывает экспертизу). Реактор ненадежен. А вы этим не занялись. Это вас не насторожило. Почему теоретические исследования не финансировались? А вы где были? Это ведь сказал сам академик Александров. Но и он кое-что упустил. Сейчас серьезно переживает, хотя на нем - большая вина.

А Мешков все валит на эксплуатационников. Как же вы выглядите перед лицом такой беды! Если с вами согласиться, то что? Продолжать как было? Все, оказывается, не правы, один Мешков прав? Тогда лучше освободиться от Мешкова.

Вопрос размещения АЭС. Вы упорствовали при его решении. Какие же выводы у вас из Чернобыля? С чем вы пришли на Политбюро?

Мешков (*в замешательстве*). Надо еще раз посмотреть на аварийную ситуацию. Персонал хорошо подготовлен. Дисциплина на уровне. Но нельзя строить по блоку в год. Ибо это значит - аврал. Отсюда и качество оборудования и безопасность. Спецодежду пересмотреть. Приборы. Порядок эвакуации.

Я приехал туда ночью, все увидел...

Шашарин (*Минэнерго, начальник главка*). В министерстве считали Чернобыль образцовым. Назначили лучшего директора... И перешли с АЭС «на ты». А она требует к себе уважения.

...Персонал не знал, что реактор может «разгонять энергию». И мы не знали. Персонал виновен в аварии. Но масштаб аварии, согласен, - в физике реактора. Мы были увлечены этим образцом, хотя не были уверены в его надежности. Система управления защитой была одна. И все считали, что она в принципе не годится. Но, с другой стороны - работали в чрезвычайно тревожном положении. Станции типа Ленинградской и Курской тоже не имеют систем локализации аварии.

Очевидно, первые очереди Смоленской, Курской и двух Ленинградских АЭС надо закрывать. Реконструкции они не подлежат. Мы не можем гарантировать, что не образуется трещина на энергопроводе. Некоторые блоки на упомянутых АЭС можно довести до ума. Но потребуются год. И будет стоить очень дорого.

Структуру министерства надо менять, ибо так работать и руководить АЭС невозможно.

Оборудование в АЭС идет не по номенклатуре, а по стоимости - 1000 руб. за штуку.

Соломенцев. А вы и раньше знали, что реактор ненадежен?

Шашарин. Да. Но на бумаге это не зафиксировано. Было большое сопротивление. Александров был против. Академия наук тоже. Минсредмаш требовал увеличить производство энергии на АЭС к 2000 году....

Представитель Госатомнадзора. Гарантировать полную безопасность действующих блоков АЭС нельзя (по технической их природе). Но если четко выполнять регламент, все инструкции по их эксплуатации, можно работать.

При утверждении проекта данного реактора было известно, что он имеет «положительный паровой» и «положительный температурный» эффект.

40% АЭС у нас на реакторах чернобыльского типа. Но надзор ни разу не проверил – недоисследовал его недостатки по «физике» и степени опасности. А новые реакторы?

Горбачев. Получается, что эти реакторы надо остановить? И те, которые в странах СЭВа - тоже не отвечают нормам?

Славский. Совершен рукотворный взрыв. Зачем нужен был этот дурацкий эксперимент?... Пожарники погибли из-за некомпетентности.

...Реактор хороший, долговечный. Но что же они сделали?! Ведь взялся за эксперимент районный инженер, который не имел права это делать.

...Турбина на Ленинградской АЭС дефектная, вал турбины с трещиной. 6000 оборотов в минуту. Взрыв - и все разнесло бы!

Требовалось 26 графитовых стержней, а их было пять. Разные академики и профессора галиматью пишут о причинах аварии.

Горбачев. Заявление Шашарина - закрыть блоки АЭС - несерьезно... Колпак? Говорят, что если б в Чернобыле был колпак, выброс был бы еще больше.

Майорец (*министр энергетики и электрификации СССР*). При начале пожара мне дали информацию: пожар потушен. Видимо, охлаждение сработало...

Горбачев. Почему же такая неквалифицированная информация? Значит, не знают, не умеют определять, какие последствия могут быть от такого пожара. Что же там - такие дураки?

Майорец. Я с вертолета увидел то, что в литературе читал о подобных авариях. После Чернобыля АН СССР и др. предложили такую перестройку, которая означает фактически создание нового реактора. Но это только подтверждает негодность действующей модели. В 1975 году авария была на Ленинградской АЭС. Не изучили ее. В 82-ом то же было в Чернобыле, хотя выброса не произошло. И опять не изучили.

Этот реактор не отвечает правилам и никогда не будет соответствовать требованиям безопасной эксплуатации даже при идеальном его содержании. Рано или поздно такое с ним случится. Александров говорит: можно доработать. А пока как быть? А если появится Герострат?

Новый реактор хорош, но на нем нет должной автоматики. Причина? - Разрыв между научным обеспечением и производством.

Надо свести все, что связано с АЭС, в одно министерство. И военизировать эту службу!

Из иностранных источников (*публичных*) видно, что там уже смоделирована авария в Чернобыле. Так что - нам представлять в МАГАТЭ ложь?

...Нельзя создавать при АЭС обычные города - ради удешевления. Последствия будут и уже есть очень плохие. Нельзя оставить то, что случилось, без наказания.

Академик Легасов. Реактор не соответствует требованиям безопасности по важнейшим параметрам.

В 1985 году в Финляндии физики «по гамбургскому счету» проставили высокие оценки нашей АЭС. Но из нее перед тем вынули автоматику и технологию и заменили шведско-американскими.

Бобков. Диверсия исключается. Но беспечность, неграмотность, неготовность поражают. Люди не знали, с чем они столкнулись. Нельзя отдавать судьбу атомной энергетики в руки одного человека. Опасность АЭС - еще и в

том, что и там главное - «выполнить» план любой ценой, в ущерб безопасности, за ее счет... как на обычном заводе у нас. И гонка в строительстве АЭС, и с захоронением отходов не решено - на некоторых АЭС «сверхнормативные» запасы. Хоронят по уплотненному варианту. В районе Челябинска заражено озеро. Случись ураган или смерч - беда на всю округу.

Долгих. Наши выводы - ответственность перед поколениями. Действовали не в духе XXVII съезда, натолкнулись на сверхзакрытость Минсредмаша.

Если причина аварии - преступная халатность, то катастрофа, которая последовала, - результат физики. Коренная реконструкция реактора делает его неэкономичным.

Многие годы не сознавали, что может произойти. И упорно шли к этой аварии. А она была неизбежна в результате такого поведения. Была создана легенда о полной безопасности АЭС... Целая философия на эту тему возникла. Доллежалъ бил тревогу, но его признали некомпетентным.

Расположены АЭС рядом с городами! Ссылаются на западные страны. Но у нас-то вон какая территория! Атомные ТЭЦ - это, между прочим, и доставка радиации на дом.

... Каждое атомное хранилище - 30 млн. руб.

...Грозит нам огромная потеря энергии. Ведь 10 реакторов (*типа Чернобыля*) в СЭВе, 10 - у нас. Они все устарели и опасны. Энергетические пропорции надо пересматривать.

Рыжков. Как могло случиться такое у нас? Каковы причины этой крупнейшей в мире аварии? К ней мы шли давно. И накапливали опасность. Случайность? Но уж больно много совпадений. Нет, это закономерность, которая образовалась в нашем энергетическом хозяйстве. И разболтанность. Если бы не произошла она здесь и сейчас, произошла бы в другом месте. На заре АЭС все было поставлено строго и доброту. Постепенно атомная энергетика вышла за границы Славского (т.е. за пределы компетенции главы Минсредмаша), но «не вышла» вместе с ней дисциплина. И к тому же слиш-

ком возвеличили авторитет Славского и Александрова. Снизили требовательность на всех уровнях, притупилась бдительность. Ведь нет ни одного года без ЧП на АЭС. Авария на Ленинградской - выводов не сделали. Минсредмаш, наука, Минэнерго не на той высоте, какой требует атомная энергия. И ведомственная разобщенность.

Выводы должны быть сугубо объективные. От этого многое зависит.

Решается судьба страны, а тут мы видим на Политбюро стенка на стенку: Минсредмаш, Минэнерго, Академия наук... А что же там внизу?!

Были недостатки... и все затушевывалось, уходило куда-то, чтоб предотвратить огласку. У начальства притупилась ответственность. Без серьезных оргтехнических мер мы не гарантированы от повторений.

Что надо в решениях?

- Определить тип реактора. Отменить чернобыльский.
- Создать Минатомэнергетику. Отдать туда часть Минсредмаша.
- Создать устав - того типа, как в Аэрофлоте, в Минфлоте.
- Госнадзору дать абсолютные права везде. А то их не пускают никуда, даже в авиацию и во флот.
- Создать Межведомственный совет, но не при Славском, а при Академии наук или ГКНТ, лучше при Совмине.
- Привлечь парторганы Украины к разбору последствий.

Лигачев. Отставание в науке и технике вообще, в атомных делах – в том числе, в автоматизации, в материаловедении - одна из причин. И урок - вот к чему приводит монополия в науке и производстве! Полностью надо изменить структуру атомной энергетики. Сейчас в самой структуре заложена безответственность. Искать альтернативные источники. Упор на газ!

... Тем не менее... Показали миру, что сами способны справиться. Паники не допустили. Запад хотел на этом дискредитировать наше руководство.

Обеспечить партийное руководство энергетикой: в науке, эксплуатации, конструировании. Все это было вне партийного контроля. Это относится

и к министерствам вообще, и к Минсредмашу, к научным и проектным организациям... и к себе самим.

Не все хорошо в реакторах, Ефим Павлович (*Славский*). И в военной сфере на этот счет не все ладно и требует партийного вмешательства.

В Минэнерго, в Академии наук - чрезвычайная самоуверенность. А парткомы, а ЦК? Они являются туда **после** аварий! Это относится и к ЦК Украины, и к обкомам.

Что мы слышим здесь на Политбюро? Ведомственные подходы и споры. Спорить - это хорошо, но и самокритичность нужна... А когда они, спорщики здесь покинут это заседание, сразу же, наверно, будут согласны друг с другом, отнюдь не на принципиальной основе.

Гражданская оборона. Надо с этим разобраться. Денег туда вваливаем... а толку? Офицеров там полно, а надзор липовый. Властью, им данной, не умеют пользоваться. Это - консультативная фирма, а не контрольная.

Очень дорого будет стоить ликвидация последствий.

Громыко. В прошлом на Политбюро никто эти вопросы не ставил. На Политбюро ни разу не обсуждались последствия аварий для миллионов людей - для будущего нации. И медицина молчала.

То, что мы занесем сегодня в наше решение, проявится через десятилетия. Доклад Комиссии мягок. Последствия для народа - это ведь, можно сказать, небольшая, средняя война. Люди не поймут, если погладим по головке.

Вопрос о размещении АЭС не должен решаться помимо государственного руководства. На Политбюро должен он решаться, за этим столом. Уже сейчас надо - запретить строить АЭС вблизи плотно населенных пунктов. Что у нас - нет места? Мы не Бельгия, не Япония. Абсолютной уверенности в АЭС быть не может.

А мы строим даже в Крыму! Немедленно надо прекратить. Вообще в Европейской части больше не начинать, а где начали - прекратить.

Переселять пришлось сотни тысяч.

Тут много, хорошо говорили об ответственности, но и амортизировали объективными обстоятельствами.

Горбачев. Сколько у нас разных вотчин создано в стране! В результате мы не получали информации о том, что происходит. С такими порядками в стране мы будем кончать. От ЦК все было засекречено. Партийный работник в эту сферу и не смел лезть. Даже вопросы размещения АЭС решало не правительство. И в вопросе о том, какой реактор запустить, диктатура тоже принадлежала не Правительству. Во всей системе царил дух угодничества, подхалимажа, групповщины, гонения на инакомыслящих, показуха, личные связи и разные кланы вокруг разных руководителей. Этому всему мы кладем конец.

Соколов. Чернобыль - это как оружие массового поражения... Госатомнадзора должны бояться! А у нас? Проверка показала неблагополучие с радиацией на подводных лодках. Плохо с хранением ядерных боеприпасов.

Щербицкий. Что делать с детьми? Их в одном Киеве 600000. Сейчас вывезли... Но осенью возвращать придется. Что с водой? Недели проходят, а дело стоит. Киевскую АЭС надо прекратить строить...

Горбачев. Мы понесли огромные потери, не только экономические, не только человеческие. Огромен политический ущерб: поставлено под сомнение - на том ли уровне у нас энергетическая программа. Подбрасывают мысль о дискредитации СССР, советской науки, техники, мол, атомная энергетика у нас уродливая.

Ситуация очень серьезная. Ни в коем случае не согласимся ни на какое шапкозакидательство: мол, ничего особенного, бывает..

Происшедшее - событие чрезвычайного порядка, близкое к применению оружия массового уничтожения. Учитывая, что АЭС у нас действуют, они включены в энергетическую программу, - несем большую ответственность и за оценки, и за выводы, и за дальнейшие действия.

И ни в коем случае мы не согласимся ни при решении практических вопросов, ни при объяснении с общественностью, скрывать истину. Мы не-

сем ответственность за оценку происшедшего, за правильность выводов. Наша работа теперь на виду у всего народа и у всего мира. И думать, что мы можем ограничиться полумерами и ловчить недопустимо. Нужна полная информация о происшедшем. Трусливая позиция - это недостойная политика.

Огорчает, вызывает недоумение, чѐ товарищи здесь, на Политбюро, устроили, препирались, свару затеяли. Это надо осудить.

Авария могла быть предотвращена. Если бы была правильная и своевременная информация, Центральный Комитет мог бы принять меры, и аварии не было бы. Но мы столкнулись с проявлением крайней безответственности.

Предложения о наказаниях надо принять.

Брюханов допустил грубые ошибки, преступную халатность... Исключить из партии.

Неудовлетворительно работает Минэнерго... Шашарину объявить строгий выговор.

Зам. директора Института энергетического машиностроения Емельянову - выговор и освободить от работы.

Майорцу, министру, выговор. А вообще-то снять бы с работы.

Атомнадзор проявил себя плохо. Председателя снять.

Обратить внимание Славского на то, что игнорировал предупреждение ученых.

Мешкова (*зам. Славского*), который пришел на Политбюро с совершенно безответственными вещами, – я бы не стал держать на этой должности.

Академику Александрову - обратить внимание на его вину во всем этом деле.

Конкретные дела на других уровнях передать в КПК. И пусть свое слово скажет прокуратура.

Перед смертью погибших, перед народом мы держим ответ!

Постановление доработать. И в смысле оценок, и в разработке баланса: АЭС - газ - нефть, гидростанции, уголь...

Правительству вернуться к энергетической программе до 2000 года.

Подумать: не опаснее ли продолжать эксплуатацию АЭС, чем если мы их закроем.

О размещении АЭС. Пусть Правительство определится с Крымской, Минской, Армянской АЭС. И внесет предложения в ЦК.

Создать контрольный орган с полувоенным режимом.

Владимир Васильевич (*Щербицкий*) правильно говорит: куда девать детей? Пусть Буренков (*министр здравоохранения СССР*) даст ответ.

В проекте постановления отсутствует международный аспект. Добавить - и откровенно проинформировать соцстраны, МАГАТЭ, всю мировую общественность. Все народы должны знать о последствиях и о наших мерах. Ловчить тут нельзя. Секреты тут - во вред самим.

Открытость - это и огромный выигрыш для нас. Проиграем, если не скажем все с должной полнотой. Дать миру максимум информации. Тем более, что на Западе фактическое положение знают.

Мое выступление по телевидению через три дня - по итогам этого заседания.

Отметить героев, наградить как следует всех проявивших себя.

**Политбюро,
2 октября 1986 года**

О результатах расследования
аварии на Чернобыльской АЭС

Горбачев. Реакторов чернобыльского типа еще 15 штук, в том числе в Киеве, Минске, Смоленске, Ленинграде, Курске. Строительство новых надо немедленно остановить. Но на тех, которые работают, опасность сохраняет-

ся. А на первом и втором блоках в Чернобыле у нас есть 200-250 процентов гарантии, что не случится то же самое.

После совещания стран - членов МАГАТЭ Чернобыль перестал быть активным элементом в антисоветской пропаганде.

Безобразия, когда мы чураемся участвовать в научных симпозиумах по безопасности АЭС, уже 10 лет не посылаем на такие конференции своих делегаций. Там же обобщается опыт аварий на Западе. Что это - самоуверенность, безалаберность или отсутствие механизма, который должен регулировать такое участие? Чернобыль и в этом отношении должен послужить уроком - чтобы каждый не изобретал всякий раз для себя свой велосипед.

**Политбюро,
2 апреля 1987 года**

О ходе работ по ликвидации Чернобыльской аварии Докладывает **Долгих**. Погибло 28 человек, 65 – считают, что «пронесло», 137 – продолжают лечение. Вахтовый метод работ не пригоден.

Сейчас 13 АЭС работают на реакторах чернобыльского типа. 15% мировой электроэнергии - это АЭС. У нас 11%. В США - 11%.

Горбачев. Не торопимся ли мы с вводом третьего энергоблока при такой-то радиации? Сейчас вести дело к ликвидации последствий аварии – и только. И закрыть пока вопрос о пуске третьего блока. Первый и второй блоки довести до ума. 110 тысяч человек прошли через Чернобыль и все получили дозу.

Долгих. Все-таки надо прекратить производство таких реакторов.

Израэль (*председатель Госкомитета СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды*) предлагает «рыжий лес» срезать и похоронить.

Горбачев. ЦК завален письмами. Если нельзя станцию восстановить, значит нельзя. С этим шутить недопустимо. Честно надо людям сказать. Они должны знать о радиационной обстановке. Дикая безобразия еще происхо-

дят. Технику привозят из Чернобыля и сгружают недалеко от детского сада. Трактор пригнали, мальчишки по нему лазают.

Израэль. В Киеве обстановка совершенно нормальная. Американское консульство подтверждает, что такая же - в Минске и Гомеле.

Чазов. 250 тысяч человек прошли обследование. Из них 52 тысячи гражданских лиц, остальные военные. 690 человек получили дозу больше допустимого. Специалисты прогнозируют, что через 5-10 лет в Белоруссии будут умирать от рака на 200-300 человек больше, чем сейчас.

Горбачев (*министру, отвечающему за атомную электроэнергетику. – А.Ч.*). Никаких уступок, как бы и чем бы вас ни пугали – нехваткой энергии, остановкой заводов, безработицей, падением зарплаты. Ни на что не поддавайтесь. Вы будете отвечать. Вручаем вам полные полномочия. Абсолютные. Вы будете отвечать перед Политбюро, перед судом. Наука пошла на создание таких вещей, когда не было еще достигнуто нужного уровня с обеспечением безопасности, действует методом проб и ошибок. И вот нарвались.

Ващенко. На Ровенской АЭС, которую пустили только в декабре, уже 20 остановок было из-за разных неполадок... А город при АЭС построен на просадочных грунтах, дома рушатся. В Белоруссии 24,5 тысячи поселков и деревень выселили. На загрязненной территории живут 62.000 человек.

Горбачев. Ситуация остается серьезной и не надо упрощать, ни для себя, ни для других. Сейчас весна наступает и надо действовать особенно ответственно. И доводить все до конца. Беспокоит низкое качество нового оборудования.

**Политбюро,
2 апреля 1987 года
(запись Медведева)**

О ликвидации последствий чернобыльской аварии

В числе других обсуждены такие моменты, как допуск корреспондентов на заседание суда над виновниками Чернобыля, о судьбе третьего блока. Не ставить пока задачу ввода его в действие, а решить другие вопросы и

вернуться к этому позднее. Говорилось о непонятной природе излучения четвертого блока, о реакции населения, стихийном возвращении некоторых людей в деревни, о доплатах за радиацию, об усилении контроля. Называлась цифра, что за прошедшее время через стационар прошло 250 тысяч человек. Предложенное постановление принято с отдельными поправками.

**Политбюро,
4 июня 1987 года
(запись Медведева)**

О мерах по развитию энергетики

Щербина. С учетом уроков Чернобыля на 13-ую пятилетку снижены задания по вводу в действие мощностей атомных станций с 40 млн. киловатт до 30 миллионов.

Горбачев. Можно ли размещать атомные станции на расстоянии 25 километров от миллионных городов?

Обращаюсь к Луконину (*Минатомэнерго*). Вас тянет к старому. Собрались и решили, а потом не знаем, как из этого выкрутиться. Надо учиться работать в условиях демократии.

Легасов. По проблеме размещения постановление выводит на необходимый уровень безопасности.

Седунов (*Госкомгидромет*) дает обоснование семикилометровой разделительной полосы для поселков и 25-километровой - для городов.

Долгих. Нельзя допускать завышенных оценок технических результатов. Надо кончать с монополизмом Минсредмаша. По его вине, между прочим, зона отчуждения снижена с 40 до 25-ти километров.

Лигачев. Зимой энергетика была на пределе. Надо связать то, что предлагается, с энергетической программой. Вопрос освещения в печати этих проблем взят на откуп литераторами и журналистами, а ученые молчат.

Легасов. Увеличивая расстояние от энергетических объектов до населенных пунктов, мы сеем неправильные настроения.

Соломенцев. Необходимо повышать качество строительства и ужесточить приемку.

Горбачев. По урокам Чернобыля мы приняли три документа, но даже по науке и технике постановления выполняются плохо. Разобраться и доложить.

Без атомной энергии, только другими источниками нам не обойтись. И об этом надо народу говорить. Но при этом должны быть гарантии от повторения Чернобыля. По размещению АЭС еще раз надо рассмотреть и доработать вопрос. Пусть будет больше расходов на передачу энергии, но зато более надежные гарантии безопасности. Ведь при других метеоусловиях весь Киев был бы накрыт. Предложение Щербицкого требует внимательного рассмотрения.

Смушает проект по безопасности. Обилие поручений, весь проект из них, а мы уже и так перебрали шесть месяцев. Безответственность берет нас за горло.

По всем трем документам надо принять короткое постановление Политбюро.

**Политбюро,
24 января 1989 года**

(запись Черняева)

О ликвидации последствий Чернобыля

Докладывает **Щербина**.

Горбачев. Ты у нас главный оптимист по этой части. Недаром жизнь свою поставил на это дело. Однако прогресс не должен даваться такой ценой, что может подорвать всю цивилизацию. Ученые, общественность через Чернобыль очень сильно зашевелились. Очень серьезно встала проблема атомной энергетики. Но против слухов оружие одно: знание, наука. Демагоги подкидывают в костер дискуссии не только дрова, даже взрывчатку. Не приспосабливаться же к ним.

Вон Велихов привез нам из МАГАТЭ совершенно четкие данные о перспективах атомной энергетики. Там мировые умы задействованы. Или мы должны прямо сказать народу: переходим на лучину? Если так пойдет, как у нас сейчас, то через два года остановим всю промышленность. Квартиры холодные будут при температуре на дворе в 20 градусов. Химию прикроем. А с сельским хозяйством что будет – без химии, без средств защиты растений? Так не пойдет. Нужны меры. Нужен разумный научный подход. Мы и так уже потеряли очень много – не только по необходимости, но и по глупости, из-за паники.

Пусть Велихов, представители МАГАТЭ выступают по нашему телевидению.

Все надо взвешивать. Везде нужна мера.

**Политбюро,
3 ноября 1989 года**

(запись Медведева)

О записке Ревенко по ликвидации последствий чернобыльской аварии
Догужиев, Ревенко, Ивашко, Шеварднадзе...

Газеты, кроме «Правды», не публикуют материалы медиков-специалистов, но зато часто выступают Адамович, Щербак и другие некомпетентные лица.

Рыжков. Критикуют правительство, но почему Академия наук в стороне. Велихов едет вместе с Адамовичем в Минск, участвует в манифестациях. Надо формировать общественное мнение по вопросам атомной энергии, без которой нам не обойтись.

Горбачев. Действительно, в прессе не слышно компетентных голосов. Провести обсуждение в Академии наук перспектив атомной энергетики и дать компетентный ответ на вопросы, волнующие общественность.

Опубликовано в книге «В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Чернышева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991)», Горбачев-Фонд, Москва, 2008.